

Поэма. Проданная Венера

В.Д. Федоров- <http://www.kemrsl.ru/litmap/15>

Я был у старших на примете,
И вот однажды мне велят
На комсомольском комитете
О красоте прочесть доклад.
Мой вкус был самым деревенский,
А други просят:
- Не забудь
О красоте, ну, знаешь, женской
В своём докладе помянуть. -
А что я знал?
Что есть сутулость
И есть девическая стать?
На чём Душа моя споткнулась,
Не надо мне напоминать.
И всё же будущего ради,
Марая белые листы,
Задумал я в своём докладе
Раскрыть все виды красоты:
Всё то, чем люди восторгались,
С чем шли, рассеивая мрак.
Все темы прочие давались,
А тема женская -
Никак!

Не помогал мне опыт древний,
Что лёг в пудовые тома...
Всё лезет на глаза деревня,
Подслеповатые дома,
И щучьи зубы частокола,
И рёбра старого плетня,
И школа сельская...
Та школа,
В которой около меня
Сидела Граева Наташа...

В те дни она такой была,
Что ничего природа наша
Прекраснее не создала.
В деревне, помню, говорилось
С насмешкой острою, как нож:
- Ты что-то, девка, загордилась -
Как Ната Граева идёшь!

Теперь
Хочу увидеть снова

Всё то, что память сберегла.
И речка времени бывшего
Перед глазами потекла.

Избрал я место наудачу
У каменного голыша,
Сижусь за кустиком - рыбачу,
Ловчусь перехитрить ерша.
С настойчивостью непонятной
Мечтаю о его клевке
И всё смотрю,
Как луч закатный
Разнежился на поплавке.
Не видел я, как по откосу
Прошла она,
Как на песок
Одежду сбросила
И косы
Под синий спрятала платок.
Но видел я,
Как стихли воды,
Когда она к реке прошла -
Фантазия!
Каприз природы!
Причуда света и тепла!
Она, омытая лучами,
Когда вода коснулась стоп,
Легонько повела плечами,
Как будто сбросила озноб.
Волна перед нею расступилась
И снова преградила путь...
Блестели плечи,
Золотилась
Её заносчивая грудь.
Там,
Над речною глубиною,
Произнесли мои уста
Ещё не троганное мною
Большое слово:
Красота.

Ничем
Не помешав Наташе,
Преодолев блаженный стыд,
Я подстерёг её тогда же
У зеленеющих раquit.
Как, вспоминая, сердце билось,
Когда, проплавав полчаса,
Она пришла, остановилась
И заглянула мне в глаза!
Смутилась вдруг,
Стыдливой стала...

В моих зрачках -
Ей-ей, не лгу! -
Себя, должно быть, увидала,
Какой была на берегу.

А старики -
И это тяжко -
Судили Нату под гармонь:
- Конём любят в упряжке,
Конь на гульбе
Ещё не конь...

Спеша продлить воспоминания,
Как в прежние твержу я дни
Знакомое ей заклинанье:
“Ты с глаз моих не уходи!”
Но время воздвигает стены,
И самой страшною стеной
Огни и дымы дней военных
Заколыхались предо мной...

И вскоре
Я её увидел,
Взглянув на мир из-под руки,
Не на гульбе -
В том самом виде,
Как выражались старики.
Увидел с тёмными горшками,
Перекалёнными в печах,
С шестипудовыми мешками
На перекошенных плечах.

Порядок слов,
Звучавший мило,
Теперь бросал всё тело в дрожь:
- Ты что-то, девка, приуныла -
Как Натка Граева идёшь!..

При встрече
На дороге пыльной
Её глаза несли мне весть,
Что от работы непосильной
Вся свяла, не успев расцвести.
Лицо обветрено и грубо.
И шла она,
Не шевеля
Губами,
Потому что губы
Потрескались,
Как в зной земля.

Давно успела позабыть,

Что до поры иссохли груди,
Что стала по земле ходить,
Как ходят пожилые люди,
Что живость света и огня
В её глазах давно заснула.
В мои с надеждой заглянула -
И отшатнулась от меня.
В моих,
Повидевших немало, -
А в них я всё сберечь могу! -
Себя в соседстве увидела
С той, прежней, Натой,
Что стояла
Передо мной
На берегу.

Я знал,
Что из морщин бесчисленных,
Примеченных издалика,
Любая чёрточка почётна,
Как честный шрам фронтовика.

* * *

За боль,
За раннюю сутулость
Спеши сторицею воздать.
Найди же, чем не стала юность
И чем она могла бы стать!
На чём от самого рожденья
Не отразятся
Ни ветра,
Ни мировое потрясенье,
Ни горе одного двора.

Ищи прекрасное на свете,
Суди, оправдывай, вини
И по нетронутый монете
Монету стёртую цени.
Не изменив мечтам заветным,
По жизни в поисках пройди.
В каком-то облике бессмертном
Наташу Граеву найди.
Её судьба да будет вехой,
Повсюду видной хорошо.
Искал я.
И в книжонке ветхой
Её бессмертье я нашёл.
Рука, листавшая устало,
Успела, к счастью, долистать
До той,
Кем милая не стала
И кем она могла бы стать.

Я видел:
В радостном полёте
Кисть жизнетворца создала
Всю красоту горячей плоти,
Причуду света и тепла.
Влюблённый и ревнивый гений
В слиянье радости и мук
Набросил матовые тени
На лёгкие изгибы рук.
Такой летит туда, где боги!
И он, уже не тратя сил,
Куском парчи,
Упавшим в ноги,
Её чуть-чуть отяжелил.

Едва приметными мазками
На долгий срок.
На вечный срок
За тёмными её зрачками
Свет человеческий зажжёт.
Тем светом ей
Печаль, тревогу
И горе изгонять дано.
С такой легко искать дорогу,
Когда становится темно.

Она стыдлива без ужимок,
Как та,
Которую я знал...
И это был
Всего лишь снимок,
А где же сам оригинал?
Где рождена?
В какие эры,
В какой из поднебесных стран?
И кто она?
Прочёл: “Венера”.
А чуть пониже: “Тициан”.
И тут же на бумажной сини
Отчётливо и на виду
Приписка: “Собственность России”.
Прекрасно!
Я её найду!

И снова,
В поиски ушедший,
Всем говорю:
Мол, так и так...
Смеются:
- Что за сумасшедший!
Венеру ищет! Вот чудак! -

Какой-то полный незнакомец
Откашлялся и пропыхтел:
- Избаловали!..
Комсомолец,
А тож - Венеру захотел!

Иду,
Чем дальше, тем смелее
По городу - через снега,
Иду в картинных галереях
Через минувшие века,
Через сокровища народов,
Не падая пред ними ниц,
Через толпу экскурсоводов,
Учеников и учениц.

Переходя от века к веку,
В людской толкаясь тесноте,
Они пришли сюда, как в Мекку,
На поклоненье красоте.
И красоте той благородной
Себя отдавши целиком,
Тянусь и я к ней,
Как голодный
За хлебным тянется пайком.

Её ищу я в каждом зале,
В простенках каждого угла.
- У вас Венера не была ли?
- Нет, - отвечают, - не была.
Вновь объясняю по порядку:
- Амур и зеркало...
Рукой
Венера поправляет прядку... -
Вновь слышу:
- Не было такой.

Но вот совсем неподалёку
Бородка над толпой всплыла.
Блеснуло старческое око
Из-под очков.
- Была! Была! -
И вспомнил я,
Как поезд мчался
В лесную родину мою,
И я с таким вот повстречался
В металлургическом краю.
Теперь мне вспомнилось,
Как ночью,
В огнях увидев домен ряд,
Похвастал кто-то:
- Между прочим,

Я строил этот комбинат. -
Добавил, ус крутнувши лихо,
Что ставил там прокатный стан,
А старец, вот такой же, тихо
Заметил:
- Вы и Тициан.

Тогда,
Болтавшие о многом,
Толкуя обо всём слегка,
Как на обиженного Богом,
Взглянули мы на старика.
И он притих,
Ни об искусстве,
Ни о других делах страны
Уже не говорил,
Лишь с грустью
Посматривал со стороны,
Как спорил с химиком строитель.
Так грустно на исходе дней
Разочарованный родитель
Глядит на выросших детей.
Теперь старик подвижен, светел.
Узнал и вновь не узнаю.
- Вы вспомнили её?! -
Ответил:
- Я вспомнил молодость свою.

Мы шли,
И не было мне странно,
Что говорил он не шутя:
- Вы знаете, у Тициана
Она не первое дитя... -
Дрожало старческое веко,
А он твердил мне об одном:
- Полвека! Да, мой друг, полвека
Я был её опекуном.

Все чёрточки лица страдали,
Кривились, будто был он пьян.
- Что ж стало с ней?
- Её продали.
- Куда?
- Туда... за океан.

Мы продаём
И лес и кожи,
Но красоты нехватка в нас!
Едва ли нужен и возможен
Большого горя пересказ.
Он знал,
Что жили небогато,

И ведал, продана зачем,
Но только личные утраты
Не восполняются ничем...

Когда
В Магнитогорске рыли
Для первой домны котлован,
Она плыла за океан.
Навстречу ей машины плыли.
Он говорил об этой встрече так,
Словно сам с ней в рабство плыл.
- Я парусиною прикрыл
Её блистательные плечи. -
Он рисовал мне
Небо в тучах,
Над палубой туман густой...

За красоту времён грядущих
Мы заплатили красотой.

* * *

И с ней
Не встретясь,
Я простился.
Нерадостен был мой уход.
Заснул я поздно.
Мне приснился
Металлургический завод.
Мне снились волны
В кудрях пены,
Бегущие за край Земли,
Мне снились грузные мартены,
Похожие на корабли.
Пусть окна в них
Прикрыты плотно
И лишь на каждом красный глаз,
Но и в зашторенные окна
Бьёт пламя,
Обжигая нас.

Но что такое?!
Шум стозвучный
Вдруг стих, рассеялся угар.
С открытым ртом стоит подручный,
Бородку щиплет сталевар.
В глазах у парня бес запрыгал,
И не возьму никак я в толк,
С чего он громко загыгыкал:
— Гы, баба!.. Голая!.. -
И смолк.

Гляжу я,
Тоже ошарашен,
Дивлюсь, как на печной пролёт
Походкой лёгкою Наташи
Венера русая идёт.
Боса, парчой полуоткрыта
В угоду прежним временам,
На крошки ступит доломита,
Поморщится -
И снова к нам.
Глядит всё пристальней,
Всё строже.
Ни слова нам не оброня.
Хочу, мол, посмотреть,
За что же
Вы про...
Вы отдали меня.

Старик,
Тихонько увлекая
Меня от гостыи и зевак,
Спросил негромко:
- Кто такая? -
Я к мастеру, мол, так и так...
Мол, помните,
Когда здесь рыли
Для первой домны котлован,
Она плыла за океан.
Навстречу ей машины плыли.

И мастер,
Подошедший близко,
Остановился перед ней
И поклонился низко-низко,
Сняв кепку с головы своей...
Помедлил,
Дав словам отсрочку,
Потом, прижав ладонь к груди,
Заговорил:
- Прости нас, дочка...
Всё видела, теперь суди.
Бывало, бьюсь,
Из кожи лезу,
И недопью и недоем.
Мы пропадали без железа,
И рабство нам грозило
Всем.
Как строились,
Душой боля,
Ты, вечная, нас не поймёшь.
И что тебе!

Ты, не старея,
До коммунизма доживёшь.
Захочешь жить у нас, к примеру, -
Гости без никаких бумаг... -
Старик вздохнул:
- Вот так, Венера...
По бабушке не зная как.

Я посмотрел
И вздрогнул даже.
В горячем отблеске огня
Уж не Венера,
А Наташа
С укором смотрит на меня.
Вновь покорила
Ясность взора
Глаз тёмных, затаивших зов,
Как затенённые озёра
Среди нехоженных лесов.
В них,
Укрываясь от напастей
Души глубинной чистотой,
Надежда на большое счастье
Всё ходит
Рыбкой золотой.

Друзья не сразу догадались,
Что говорит она со мной:
- Вы перед вечной оправдались,
Попробуйте перед земной...

* * *

Не знаю,
Так ли я ответил,
Когда в суровой простоте
На комсомольском комитете
Читал доклад о красоте.
Встречая взглядом
Взгляд сердечный
Сидевший прямо предо мной,
Я с грустью говорил о вечной
И с болью вспомнил о земной.

Я говорил,
Как перед Натой:
История от первых дней
Ни перед кем не виновата, -
Виновны только перед ней.
Одной цепи я вижу звенья,

Сработанные не вчера:
И мировые потрясения,
И горе одного двора.
На всё
Я в жизни вижу отклик,
От горя к радости мосты.
Судьба Наташи - это подвиг.
А подвиг стоит красоты.

Глазами встретившись с одною:
- Ты знаешь ли, - сказал я ей, -
Какой заплачено ценою
За лёгкий взлёт
Твоих бровей? -
Не знаю, так ли
Двум мальчишкам,
Зевнувшим нехотя в кулак,
Сказал я, может, строго слишком.
Послушайте,
Сказал я так:

- Всё позабудется на свете,
Всё сгладится в конце концов.
Вам, избалованные дети,
Не вспомнить бедности отцов.
Вам подавай лишь то, что мило,
Красавицу и сад в цвету.
Кровь пролилась,
А не чернила
В сражениях за красоту.
Вам огорчительно до боли,
Вам оскорбительно до слёз,
Что материнские мозоли
Не пахнут лепестками роз.

Наташи прежней мы не встретим,
Но людям жить и быть красе.
На этот раз уже не детям,
На этот раз сказал я всем:
- Рост красоты по дням и годам
Мы обеспечим — верю я,
Как обеспечен курс рубля
Всем достоянием народа!

Мечтатель,
Верный почитатель
Земных красот,
Признайся, брат,
Что виноват,
И я, читатель,
С тобой в растратах виноват.
Мы равнодушны и незрячи,

Не знаем,
Что смелей резца
Моя ль,
Страны ли неудача,
Морщинку, складку обозначив,
Коснётся каждого лица.
Судьбу,
Сгибающую лучших,
Мы не берём за горло:
“Стой!”

ЗА КРАСОТУ
ЛЮДЕЙ ЖИВУЩИХ,
ЗА КРАСОТУ ВРЕМЁН ГРЯДУЩИХ
МЫ ЗАПЛАТИЛИ КРАСОТОЙ.

ВАСИЛИЙ ФЁДОРОВ
1956

Картина ТИЦИАНА ВЕЧЕЛЛИО
"Венера с зеркалом". (Около 1555) -
одно из самых известных полотен художника.
В 1931 году по распоряжению правительства Советского Союза,
против мнения дирекции Государственного Эрмитажа,
"Венера с зеркалом" была продана частному лицу,
оказавшись позже в Национальной галерее Вашингтона.